

ВОЙНА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Сплачивать электорат военной риторикой – советская традиция

242 (3355) 5 ноября 2004 г.

Эмиль Паин

Об авторе: Эмиль Абрамович Паин - гендиректор Центра этнополитических исследований, доктор политических наук.

Несвободное советское общество даже в мирное время выстраивали в шеренги с помощью мобилизационных лозунгов: «война с бездорожьем и разгильдяйством», «битва за урожай» и т.д. Сегодня у нас главный лозунг – «война с терроризмом».

Говорят, что на этот раз это просто заимствование западного опыта. Действительно, такой лозунг первым провозгласил Джордж Буш. Он, как и его российский коллега, сплачивает свой электорат военной риторикой. Только президент США и думать не смеет под предлогом войны с терроризмом кардинально изменять основы государственного устройства, скажем, отменять выборы губернаторов или предлагать укрупнение штатов. В России же якобы в целях «борьбы с терроризмом» готовится решение о фактическом назначении глав региона президентом, прокламируются программы укрупнения регионов и упразднения республик.

Подобные крутые эксперименты – исконная отечественная традиция. Цари в русских сказках легко обменивали «полцарства за коня», а реальные генеральные секретари еще легче проводили депортации народов и перекройку административных границ республик. А уж если хозяин страны надумает всего лишь укрупнять села и объединять области, создавать совнархозы или федеральные округа, то кто же ему сможет перечить?

Подобные кавалерийские атаки обычно плохо заканчивались. Укрупнение сел в 1970-е годы привело к безлюдью Нечерноземья. Объединенные области снова приходилось разъединять. Совнархозы оказались неуправляемыми, как, впрочем, и нынешние федеральные округа. Война с

терроризмом в Чечне привела к тому, что он уже выплеснулся из Чечни и расползается по всей России.

В процессе этого растекания уже получены экспериментальные доказательства неэффективности назначения лидеров регионов в противовес их избранию. По крайней мере уровень инфильтрации терроризма в Ингушетию был меньше при избранном президенте Руслане Аушеве, чем при фактически назначенном Мурате Зязикове. И сегодня не только чеченцы, но уже и ингуши осваивают ремесло боевиков.

Говорят, что «народу безразлично – избирать губернаторов или назначать». Но это смотря какому народу. У народов Северного Кавказа выборы – это традиционный институт, часть повседневной жизни. Здесь выбирают почти всех: от тамады за столом до поселкового старшины, от муфтия до главы локального джамаата. Назначенный наместник царя или президента зачастую представлял лишь видимую власть, а реально управляли всем власти неформальные и избранные. Чем шире растопырены ножницы между формальной и неформальной властью, тем выше и вероятность коллапса управления. Наглядный пример – недавние события в Дагестане, где мэр Хасавюрта открыто выступил против главы республики, удерживающегося у власти только при поддержке Кремля.

Национальная элита стала быстро расти уже в советское время. В постсоветский период ее ряды заметно расширились за счет бизнесменов и бурно растущих рядов религиозных активистов. Тот, кто говорит, что в случае назначения московских наместников или полной отмены республик национальная элита «рассосется», либо сильно лукавит, либо напрочь лишен понимания этнополитических процессов.

Всегда и везде за лояльность национальной элиты приходилось платить расширением ее участия в делах государства. Так было и в середине 1990-х годов, когда политическая активность национальных элит повсеместно спала, за исключением воюющей Чечни. Сегодня заметно новое оживление национальных элит – на волне недовольства авторитарной политикой Кремля, законами, которые спускаются из Москвы и ущемляют интересы национальной культуры (вроде запрета на использование в национальных языках иной графики кроме кириллицы).

Деловые структуры ропщут под нарастающим давлением коррупции (раньше чиновники требовали взятки, а сегодня стремятся захватить бизнес целиком). Да и политические элиты, хоть и поддержали в большинстве своем новые инициативы президента, но обиду затаили. Что касается элиты неформальной, то она в таких условиях быстро укрепляется. Ее трудно заставить смириться с новыми законами, зато легко подвигнуть к новому витку сопротивления, к сплочению перед общим врагом.

Тем более это касается исламских структур. Чем больше представители традиционного ислама прислоняются к власти, тем больше растет популярность нетрадиционных для России направлений ислама вроде ваххабизма, который многими рассматривается и используется как эффективная форма оппозиции.

Назначение лидеров региона не повышает их ответственности не только перед народом, но и перед Кремлем, поскольку порождает определенный тип чиновника-временщика. Сегодня он не справился в одном регионе – завтра будет переброшен в другой или может быть наказан назначением в министры, как бывший губернатор Приморья Наздратенко или как бывший петербургский губернатор, который не по своей воле уже третий пост меняет едва ли не за год.

В то же время сам факт назначений глав региона усилит тенденцию переноса претензий населения с регионального уровня на центральный. Государь назначил заместителя, он за него и ответственность несет. В таких условиях президент страны может быть объявлен ответственным даже за сбой в электроснабжении в каком-нибудь отдельно взятом селе Гадюкино. В национальных республиках это может привести к росту антирусских настроений, поскольку там, где преобладает титульное население, федеральная власть воспринимается именно как русская.

Исторически схожая ситуация складывалась в канун распада империй, когда растущая централизация государств вызывала накопление недовольства в национальных окраинах. Отчужденная от власти национальная элита способна использовать подобные тенденции, облечь их в этно-религиозную оболочку и обеспечить такой уровень сопротивления населения властям, против которого бессильны любые армии. К тому же Российскую армию боятся, когда она находится в казарме, а если она уже десять лет воюет и неудачно, то теряет способность к устрашению кого-либо.

Чеченская война и административные реформы Путина – близкие родственники. Война стимулировала появление проекта реформ, морально легитимизировала его, оправдывая необходимостью сохранения целостности страны и борьбой с терроризмом. Она же определила и стилистику реформы – ориентацию на навязывание регионам государственной доктрины, «спущенной сверху», и на подавление национальной элиты вместо поиска согласия с ней.

Чеченская война и «реформа» являются проявлением одной и той же модели политического управления, характерной для имперского периода истории России и Советского Союза. Однако сила и натиск не помогли выиграть чеченскую кампанию, и еще меньше вероятности, что они обеспечат эффективность административной реформы в России.